

Островский Александр Николаевич

Грех да беда на кого не живет

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-311.8
ББК 84-4
А46

А46 **Александр Николаевич О.**
Грех да беда на кого не живет / Островский Александр Николаевич – М.: Книга по Требо-
ванию, 2023. – 118 с.

ISBN 978-5-521-26752-1

ISBN 978-5-521-26752-1

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2023
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2023

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг — не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель — вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания — решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Дѣйствіе первое.

Сцена I.

Комната, оклееная дешевыми обоями; старая мебель; одна дверь прямо, выходная, другая въ сосѣднюю комнату; окна съ ситцевыми занавѣсками.

Явленіе первое.

Карпъ (развязываетъ чемоданъ), **Зайчиха** (смотритъ въ окно).

Зайчиха.

Ты погляди-ка, милый человѣкъ, сколько народу сошлось.

Карпъ.

Что имъ надо? Чего они не видали?

Зайчиха.

Всякому, милый, знать хочется, кто такой пріѣхалъ.

Карпъ.

Сказано про васъ, что провинція, такъ она провинція и есть. Ну, скажи имъ, что Бабаевъ, Валентинъ Павловичъ, помѣщикъ.

Зайчиха (въ окно).

Бабаевъ, помѣщикъ. (Карпу): Спрашиваютъ, зачѣмъ?

Карпъ.

Извѣстно, за дѣломъ. А ты думаешь, гулять мы къ вамъ пріѣхали. Какъ-же, есть occasia!

Зайчиха (въ окно).

За дѣломъ. (Карпу): На долго-ли?

Карпъ.

Намъ здѣсь не дѣтей крестить. Само собою, дня на два, не больше.

Зайчиха (въ окно).

На два дни. (Отходитъ отъ окна.) Теперь всѣхъ убоготорила. Минуть черезъ пять весь городъ знать будетъ.

Карпъ.

А у тебя, тетенька, квартира-то ничего: чистенька.

Зайчиха.

Чистенька, батюшка, чистенька; затѣевъ большихъ нѣтъ, а чистенька. Конечно, прїѣздъ въ нашъ городъ не большой ...

Карпъ.

Не на трахтъ.

Зайчиха.

Какой тутъ трахтъ! А все-таки, кто наѣдетъ лучше-то, у меня останавливаются. Помѣщиковъ много знакомыхъ по окрестности, привыкли ко мнѣ; въ гостинницу-то мало кто заѣзжаетъ.

Карпъ.

Потому безпокойно.

Зайчиха.

Какой покой! Въ низу трактиръ: въ базарный день содомъ просто. А что я у тебя спрошу: не сынокъ-ли твой баринъ-то покойной енаральшѣ Бабаевой, Софьѣ Павловнѣ?

Карпъ.

Онъ самый и есть.

Зайчиха.

У нихъ усадьба-то Завѣтнымъ прозывается?

Карпъ.

Завѣтнымъ.

Зайчиха.

Ну, такъ, такъ! Я его давеча признала. Еще маленькаго видала: съ маменькой въ городъ ѣздила и ко мнѣ заѣзжали. Въ деревнѣ, что-ль, живете?

Карпъ.

Нѣтъ, мы больше въ Петербургѣ; а теперь въ деревню на лѣто для благоустройства пріѣхали.

Зайчиха.

Такъ, такъ. А что, хорошъ онъ для людей-то?

Карпъ.

Ничего, хорошъ.

Зайчиха.

Ну, слава тебѣ Господи! Дай ему Богъ здоровья! Въ городъ-то вы по какому дѣлу?

Карпъ.

Да по этимъ по судамъ все. Дѣло-то грѣшное, тамъ свидѣтельство, что-ли, какое, а пожалуй, прото-мать дней пять.

Зайчиха.

Что мудренаго! У судей-то были?

Карпъ.

У всѣхъ были. Теперича намъ изъ суда приказ-наго прислали.

Зайчиха.

Вамъ, не то что намъ, скоро сдѣлають. Коли тебѣ понадобится что, стукни въ стѣну, — я тутъ и буду. (Уходитъ. Изъ боковой двери выходятъ Бабисъ и Шиш-галева.)

Явленіе второе.

Бабаевъ, Шишгалева и Карпъ.

Бабаевъ.

Такъ вы, милый, говорите, что рѣшительно нельзя?

Шишгалева,

(съ поклонами, безпрестанно сморкаясь и прикрывая ротъ рукою).

Ужъ повѣрьте, сударь, что ежели-бы только было возможно, мы-бы ужъ для васъ ...

Бабаевъ.

А можетъ-быть?

Шишгалева.

Извольте, сударь, сами разсудить: теперь присутствіе кончилось, членовъ собрать теперича никакой возможности нѣтъ-съ; завтра праздникъ — табель, тутъ суббота, а тамъ воскресенье.

Бабаевъ.

Вы подумайте только, мой милый, что вы со мной дѣлаете.

Шишгалева.

Чѣмъ-же я причиненъ-съ? Я человекъ самый маленький.

Бабаевъ.

Но что-же я, мой милый, здѣсь буду дѣлать четыре дня? Вѣдь, это ужасно!

Шишгалева.

Извольте, сударь, полюбопытствовать, нашъ городъ посмотрѣть.

Карпъ.

А что его смотрѣть-то! Что за невидаль такая! Ты какъ скажешь: Петербургъ-то хуже вашего города, аль нѣтъ?

Бабаевъ.

Есть у васъ какое-нибудь общество?

Шишгалеваъ.

Чтò вы изволите говорить-съ?

Бабаевъ.

Я говорю: нѣтъ-ли общества, какого-нибудь клуба, гулянья съ музыкой, вечеровъ у кого-нибудь?

Шишгалеваъ.

Никакъ нѣтъ-съ.

Бабаевъ.

А гдѣ-же ваши члены, ну и прочіе чиновники время проводятъ?

Шишгалеваъ.

Промежду себя-съ.

Бабаевъ.

Какъ-же такъ, промежду себя?

Шишгалеваъ.

Поденно-съ. Дни назначены: нынче, напрімѣръ, у городничаго, завтра у судьи-съ, послѣ-завтра у стряпчаго, потомъ у откупщика, у инвалиднаго начальника-съ, такъ вся недѣля-съ.

Бабаевъ.

Съ котораго часу собираются?

Шишгалеваъ.

Съ шести часовъ-съ?

Бабаевъ.

Чтò-же они тамъ дѣлають?

Шишгалеваъ.

Въ преферансъ играютъ-съ.

Бабаевъ.

А еще чтò? Неужели только въ преферансъ?

Шишгалева.

Такъ точно-съ, только въ преферансъ. Ну, обыкновенно, ужъ тутъ вмѣстѣ со столами и водка ставится, закуска-съ, — все какъ должно. Играютъ и закусываютъ, такъ время и проводятъ-съ.

Бабаева.

Такъ съ шести часовъ всѣ и пьютъ?

Шишгалева.

Нѣтъ, какъ можно-съ! Только кто сдаетъ-съ, или съ ремизу-съ другой.

Бабаева.

Ну, такъ стало-быть, мой милый, дѣлать нечего, приходится дожидаться.

Шишгалева.

Ужъ подождите, сударь. А въ понедѣльникъ въ судъ пожалуйте, мы вамъ и выдадимъ безо всякой задержки-съ.

Бабаева.

Ну, хорошо: я въ понедѣльникъ приѣду въ судъ. Вѣдь, вы будете писать, такъ я вамъ тамъ ... что слѣдуетъ ... Я не люблю, чтобъ для меня даромъ работали.

Шишгалева.

Семейство большое, сударь ...

Бабаева.

Что такое?

Шишгалева.

Тецерь соблаговолили-бы что-нибудь! ...

Бабаева.

Да я право не знаю, какъ-же это? Сколько-же вамъ?

Карпъ.

Да дайте ему, сударь, цѣлковый, вотъ и будетъ съ него.

Бабаевъ (отдаетъ деньги).

Вотъ извольте ... Мнѣ право совѣстно.

Шишгалева (кладетъ въ карманъ).

Ничего-съ. Чувствительнѣйше васъ благодарю желаю вамъ всякаго благополучія. (Уходитъ.)

Явленіе третье.

Бабаевъ и Карпъ.

Бабаевъ.

Какъ ты грубъ, Карпъ!

Карпъ.

Да если съ ними, сударь, нѣжности-то разводить, такъ они и повадятся таскаться сюда, да на судьбу свою плакаться. На нихъ никакихъ денегъ не напасешься. Народъ безъ креста.

Бабаевъ.

Однако, что-же я буду дѣлать! Погулять-бы поиноль, да еще жарко. Карпъ, что дѣлать?

Карпъ.

Вотъ что: сосните, сударь! Съ дороги-то хорошо.

Бабаевъ.

А ночью-то что дѣлать?

Карпъ.

Да и ночью тоже. Отъ тоски-то, говорятъ, спится.

Бабаевъ.

Эка глупость, книгъ мы не взяли! Хоть-бы легонькая интрижка какая-нибудь на эти четыре дня-то. (Уходитъ въ боковую дверь.)

Карпъ.

Ишь ты, что выдумалъ! Интрижка! Повадился больно! Все у него интрижки на умѣ! Балованный былъ сынокъ у маменьки! И воспитывался-то все съ барышнями, да въ дѣвичьей: вотъ его теперь и тянетъ. Живу я теперича съ нимъ въ Петербургѣ, — какихъ только я дѣловъ навидѣлся! Грѣхъ одинъ! Уснулъ что-ли онъ тамъ? И я-бъ отдохнулъ. (Хочетъ лечь, дверь отворяется.) Кого это еще? . . . (Входитъ Жмигулина.)

Явленіе четвертое.

Карпъ и Жмигулина,

Карпъ.

Вамъ чего?

Жмигулина.

Валентина Павлыча.

Карпъ.

На что онъ вамъ?

Жмигулина.

Коль скоро я его желаю видѣть, это означаетъ, что онъ мнѣ нуженъ.

Карпъ.

Вы на бѣдность что-ли?

Жмигулина.

Какое невѣжество! Развѣ ты не знаешь, что жмигулинскія барышни завсегда при ихней мамашѣ у

нихъ въ домѣ были приняты. Мы даже очень близко знакомы съ Валентиномъ Павлычемъ.

Карпъ.

Вы-то близко? Сумнительно мнѣ это.

Жмигулина.

Ты, можетъ-быть, принимаешь мои слова въ какомъ-нибудь глупомъ смыслѣ, который я совсѣмъ не понимаю. (Садится.) Твоя такая обязанность, что ты сейчасъ долженъ пойти и доложить обо мнѣ.

Карпъ.

Вотъ что я вамъ скажу: онъ теперича почиваетъ.

Жмигулина.

Невозможно этому быть, потому что я сейчасъ его видѣла въ окно.

Карпъ.

Ну, ужь, видно, нечего съ вами дѣлать. Доложу пойду. (Уходитъ.)

Жмигулина.

По нынѣшнему времени, отъ этихъ новыхъ переменъ, очень много люди стали портиться. Онъ долженъ прежде узнать, какого я званія: такъ со мной и обращаться. И опять-же не его дѣло, — на бѣдность я пришла просить или нѣтъ! Конечно, изъ нашего званія многіе этимъ занимаются, но не всѣ-же. Можетъ-быть, и Валентинъ Павлычъ сталъ довольно гордъ въ Петербургѣ и не захочетъ меня видѣть! А мнѣ ужасъ какъ хочется доказать въ здѣшнемъ городѣ, какое мы знакомство имѣемъ. Кажется, онъ прежде нами не гнушался, особенно сестрой Таней. (Входитъ Бабаевъ.)

Явленіе пятое.

Бабаевъ и Жмигулина.

Бабаевъ.

Съ кѣмъ имѣю удовольствіе говорить?

Жмигулина.

Я никакъ не могла ожидать, Валентинъ Павлычъ, что вы такъ скоро забудете своихъ старыхъ знакомыхъ.

Бабаевъ.

Садитесь, сдѣлайте одолженіе. (Садятся.) Я, право, что-то не припомню.

Жмигулина.

Конечно, въ нынѣшнемъ свѣтѣ чувства не въ модѣ, нынче все больше политика, но мы, какъ люди не столичные, очень хорошо помнимъ прежнія знакомства и особенно благодаренія.

Бабаевъ.

Я съ вами согласенъ, — благодареній никогда забывать не слѣдуетъ.

Жмигулина.

Мы вашей мамашѣ столь много обязаны, что этого и выразить нельзя словами. Сколько онѣ сдѣлали для семейства Жмигулиныхъ!

Бабаевъ.

Жмигулиныхъ?

Жмигулина.

Особенно для насъ съ сестрой Таней.

Бабаевъ (припоминая).

Таней ... Татьяна Даниловна?